

Гоудань вернулся домой разгорячённый и запылённый с дороги. Ван Сюань к его приходу уже успел прибрать всё до блеска. Бросив дорожную сумку прямо у порога, Гоудань с ходу сгрёб любимого в охапку и приподнял над полом.

— Соскучился — сил нет, — выдохнул он и, заглядывая в глаза, тихо спросил: — А ты по мне?

— Тоже соскучился, — прошептал Ван Сюань.

Гоудань уже вытянул губы, намереваясь запечатлеть поцелуй на желанных устах, да не тут-то было.

— Гоудань? Вернулся уже? — на пороге со старой собачьей миской в руках внезапно появился Лао Сы, с искренним удивлением глядя на сына.

Оба парня мгновенно окоченели. Гоудань поспешно отдернул голову, и они тут же отпрянули друг от друга на приличное расстояние. Повернувшись к отцу как ни в чём не бывало, Гоудань непринуждённо отозвался:

— Да, батя, только с поезда.

Ван Сюань тем временем молча подобрал брошенный рюкзак, бесшумно выскользнул в спальню и водрузил его на письменный стол.

Оказавшись в уединении, он легонько похлопал себя по щекам — те горели огнём.

«Едва не попались с поличным! Эх, всё из-за долгой разлуки, чувства совсем из-под контроля вышли».

Когда Ван Сюань вернулся во двор, Гоудань уже сидел на корточках, ласково тиская крошечного щенка.

Слегка откашлявшись, чтобы скрыть смущение, Ван Сюань подошёл ближе:

— Это дочка Дагуай оценилась. Три штуки принесла, недели две назад. Наша Дагуай теперь официально бабушка.

В миске, которую держал отец, исходил паром наваристый бульон на костях с субпродуктами — Ван Сюань специально сварил его для кормящей Гуайгуай. Эту сучку они оставили себе ещё из самого первого помёта Дагуай. Благодаря сытному уходу молока у молодой матери хватало в избытке, и за две недели щенки превратились в упитанных крепышей, умиительно переваливающихся на толстых лапах.

— И не говори, — вставил Лао Сы, качая головой. — А-Сюань над ними как над малыми детьми трясётся. Что ни день — то мясные обрезки, то суп на косточке.

Старик искренне не понимал, как можно настолько баловать обычных деревенских псов.

— Собака — верный друг человека, батя, — улыбнулся Гоудань, лаская щенка за ухом. — Будешь хорошо кормить — и охранять будут преданно. Нас ведь вечно дома не бывает, ты тут один кукуешь. С такой сворой и веселее, и ни один воришка даже близко подойти не посмеет.

— Это да, — согласился отец. — Наших Дагуай и Сяогуай вся округа боится, чужие псы за версту обходят. Только старый волкодав к ним шастает. С Дагуай у них любовь великая, хоть она на него иногда и скалится для приличия.

— Так ведь этот старый волкодав — первый ухажёр нашей Дагуай! — рассмеялся Гоудань. — Отец её старших щенков, между прочим. Вон, дочка их перед тобой сидит. Приходится старому зятю уважение оказывать, куда деваться.

— Тьфу на тебя, мелешь невесть что, — беззлобно хохотнул Лао Сы. — Нашёл тоже, родственные связи у собак!

Смеясь, Гоудань пошёл смывать дорожную грязь. Ван Сюань ещё с утра накачал воды из колодца и оставил её греться под палящим солнцем — к полудню она стала приятно-тёплой, в самый раз для мытья.

— Ох, двое суток в душном поезде — и чувствуешь себя как сморщенный солёный огурец, — ворчал Гоудань, стягивая с себя всё, кроме трусов, у колодца, обнесённого бетонной площадкой.

Отец в своё время аккуратно залил это место цементом, сделав невысокие бортики. Очень удобно: можно раскладывать грязную одежду или одеяла и драть их жёсткой щёткой, не боясь испачкать в грязи. Достаточно потом окатить площадку чистой водой — и вся пена уходит через небольшой слив в углу.

Летним днём на этом пятачке пекло нещадно. Посаженные отцом деревца едва достигали парням до пояса, и тень от них появится ещё не скоро. Впрочем, забор вокруг двора стоял высокий, ворота закрыты, а посторонних в доме не водилось, так что Гоудань спокойно плескался прямо под открытым небом. В деревне все с малых лет привыкли купаться в речке, и никого полуголыми парнями было не удивить.

Заметив, что отец тянется к его грязной дорожной одежде, Гоудань перехватил его руку:

— Батя, не трогай, пусть пока в тазу с порошком помокнет. Я сам позже постираю.

Лао Сы хотел было помочь уставшему с дороги сыну, но спорить не стал:

— Ладно, пусть мокнет. До чего же техника дошла, а? С этим стиральным порошком жизнь совсем другая пошла. Раньше кусок вонючего хозяйственного мыла по талонам раз в год с боем выбивали, а стирал он паршиво. Теперь же — красота! В деревне бабы сразу по большому пакету берут: им и стирают, и моются сами, и головы моют. Девки-то косы длинные носят, вши у них — обычное дело. А как повадились порошком голову мыть, так вся эта нечисть махом повывелась.

Гоудань понимал, о чём речь. В деревне из-за плохой гигиены педикулёз оставался вечной бедой. Появление сильного щелочного средства не только отмывало въевшуюся грязь, но и лишало паразитов шансов на выживание.

— Да только наш А-Сюань слишком уж изнежен, — вполголоса продолжил Лао Сы, покосившись на пластиковую мыльницу и флакон у ног сына. — Ему непременно подавай туалетное мыло. Пахнет оно, конечно, славно, но и стоит небось прорву денег. И голову мне порошком мыть запретил, притащил какой-то шампунь заграничный. Городские замашки, что с вас взять — привыкли к роскоши. Ладно бы сами, так он ещё и собакам какую-то отраву от блох покупает да шампуни специальные. С ума сойти, на псов такие траты!

— У них же шерсть густая, батя, в ней вечно клещи да блохи заводятся. Не вручную же их выковыривать, — резонно возразил Гоудань, намыливая плечи.

— Да я помалкиваю, деньги-то ваши, сами зарабатываете, — вздохнул Лао Сы. — Но ты, Гоудань, поговори с ним как-нибудь по-тихому. Вам ведь обоим ещё жениться надо, семьи заводить, детей поднимать — на это денег уйдёт немерено. Нынче времена не те, что в нашу молодость. Без приличного приданого ни одна приличная девка и не посмотрит в твою сторону. Вон, у твоего пятого дяди Саньгоуцзы жениться собрался. Так невеста с порога затребовала и велосипед, и швейную машинку! Пятый дядя твой чуть не плачет от тоски, ума не приложит, где столько денег взять.

— Так пусть не женится, — равнодушно отозвался Гоудань, смывая пену из ковша. — Из-за одной девки всю семью по миру пустить, что ли?

— Эх, глупый ты ещё, жизни не видел, — укоризненно покачал головой Лао Сы. — Каковы бы ни были трудности, долг родителей — пристроить сына. Вот твоя пятая тётка и пошла по дочерям пороги обивать. К Хунхун поехала, к кухне твоей Эръя, плакалась им, чтобы вытрясли из своих мужей деньжат на свадьбу брату.

— Одно дело, если бы в семье водились лишние деньги, — нахмурился Гоудань. — Но выворачивать карманы наизнанку ради капризов чужой девки? Да она потом сама же первая от него и сбежит, как только поймёт, что они на бобах сидят. У этого Саньгоуцзы мозги вообще есть? На кой чёрт ему баба с такими аппетитами? Женилка, что ли, так горит, что готов на шею петлю накинуть? Или он девку обрюхатил, и его теперь за мягкое место держат? Иначе с чего бы такой цирк устраивать.

— Тьфу на твой язык, что ты мелешь! — цыкнул отец, хотя в глубине души подозревал то же самое. — Женидьба — дело святое. Твои дед с бабкой в такую голодуху нас, братьев, вырастили и всех сосватали. Теперь наша очередь сыновей на ноги ставить.

У Гоуданя от этих разговоров уже голова раскалывалась, так что он лишь угукал и поддакивал, решив не спорить с родителем. В конце концов, его личная жизнь отца никак не касалась.

Однако покой длился недолго. После обеда во двор ворвалась зарёванная Сянсян. Стоило ей увидеть Гоуданя, как она с ходу кинулась к нему и, обхватив за пояс, зашлась в громких рыданиях. Гоудань брезгливо поморщился: только-только отмылся до скрипа, а тут к нему жмётся чумакая девчонка и размазывает сопли по чистой рубахе. Лицо его потемнело.

Ван Сюань поспешно подошёл и аккуратно оттащил девочку в сторону — он прекрасно знал характер своего мужчины: если Гоуданя довести, он мог бесцеремонно выставить надоедливую родственницу за ворота.

— Сянсян, ну чего ты раскричалась на всю улицу? — мягко успокаивал её Ван Сюань. — Люди услышат — бог весть что подумают. Вытирай слёзы, рассказывай, что стряслось.

Сквозь судорожные всхлипы и размазанную по щекам грязь прояснилась суть беды. Чтобы женить Саньгоуцзы, семье пришлось изрядно раскошелиться. Пусть даже невеста умерила аппетиты и согласилась обойтись без велосипеда, семейный бюджет треснул по швам. И Пятый дядя принял простое решение: Сянсян, как младшая дочь, в школу больше не пойдёт.

«Девка же, зачем ей учёба? — рассудили родители. — Читать-писать умеет, и хватит. Старшие её сёстры вообще букваря в глаза не видели, и ничего, вышли замуж, рожают исправно».

Когда-то деревенские завидовали Чэнь Цинцзюань, получившей тёпленькое местечко с казённой зарплатой. Но время шло, восторги улеглись, а дети учились из рук вон плохо. Зачем тратить силы, если можно вернуть девочку домой — пусть помогает по хозяйству, косит траву да пасёт свиней? В итоге большинство деревенских девочек, которых родители на волне всеобщего просвещения отдали в школу, давно забросили учёбу по самым разным причинам.

До средних классов теперь мало кто из девчат добирался. Даже в таких передовых семьях, как у Старой тетушки, девочки получали лишь начальное образование, чтобы хоть вывески могли прочесть.

Сянсян в этом году должна была пойти в шестой класс — начальная школа как раз перешла на шестилетку, — но её судьбу решили в один миг. Денег нет, значит, сиди дома. И никакие детские слёзы суровых родителей не трогали.

А ведь когда-то Гоудань и Ван Сюань в шутку обещали ей: «Учись прилежно, Сянсян, тогда и в столицу поступишь, мир посмотришь. Там дома огромные, красивые, а конфет и печенья — сколько душа пожелает! Будет хорошая работа — сможешь покупать сладости каждый день».

Эти слова были для девочки путеводной звездой. Училась она отлично, стабильно держась в первой тройке лучших учеников класса из пятидесяти человек. И теперь всё это рушилось.

— Ну и дура же ты, — в своей обычной манере буркнул Гоудань, глядя на её зарёванное лицо. — Нашла где концерт устраивать. Шла бы к своим родителям и там выла. Какой толк у нас во дворе сопли размазывать? Они же твоих слёз не видят, только глаза зря выплачешь.

— А ты думаешь, я не пыталась? — икнула Сянсян, размазывая грязь рукавом по лицу. — Мать меня чуть не прибила. Сказала, буду два года по дому шуршать да снохам с племянниками помогать, а как подрасту — к тебе в город устроюсь работать. Не хочу я с племянниками нянчиться! Вторая сноха ещё порог дома не переступила, а уже все деньги из семьи вытянула и меня школы лишила! Ик... Не стану я с её выводком сидеть!

Сянсян снова шмыгнула носом. Рукава её куртки лоснились от грязи — видно было, что домашняя рутина уже поглотила девочку с головой.

У Пятого дяди детей хватало. Старшие дочери, Хунхун и Эръя, давно вышли замуж. За ними шли сыновья — Эргоуцзы и Саньгоуцзы, затем тринадцатилетняя Сянсян, а самой младшей была десятилетняя Гуйхуа.

В доме уже подрастали внуки от старшего сына, и всю чёрную работу сгрузили на Сянсян и Гуйхуа. Девочки не ходили в поле, но на них висела забота о птице, двух огромных свиньях, стирка на всю ораву, готовка и уборка. И, конечно же, присмотр за вечно орущими племянниками. Стоило капризному малышу споткнуться или набить шишку — виноватыми оказывались няньки. Снохи поднимали крик, да и родители недовольно ворчали на «недотёп».

Младшую Гуйхуа Гоудань почти не замечал — тихая, забитая девчушка, полная противоположность бойкой Сянсян, которая росла шустрим сорванцом. Сянсян с малых лет смекнула, что с кузенком Гоуданем выгодно дружить: за пару ласковых слов он всегда угощал её конфетами. К нему она ластилась преданнее, чем к родным братьям. Парни охотно баловали смышлённую девчонку, покупали ей заколки, тетради и карандаши. Родные же братья только и знали, что помыкать младшей сестрой, никогда не проявляя к ней родственного тепла.

Во время каникул Сянсян почти не вылезала из дома Гоуданя. А когда парней не было, заглядывала помочь Лао Сы — то полы подметёт, то постирает чего. В деревне к племянницам часто относились как к родным дочерям, особенно если одинокий дядя жил бобылем, а хозяйки в доме не водилось.

Из всей многочисленной родни Гоудань терпел только эту пигалицу. У неё хотя бы характер был живой и сообразительности хватало. Иногда, под настроение, он мог подарить ей красивое платье или подкинуть пару юаней на карманные расходы. Остальным двоюродным братьям и сёстрам от него даже обёртки от конфет не перепадало.

— Ну и чего ты от меня-то хочешь своим воем добиться? — спросил Гоудань.

— В школу хочу... — жалобно пропищала Сянсян, глядя на него снизу вверх преданными глазами.

Гоудань усмехнулся:

— С этим вопросом тебе к отцу с матерью идти надо. Я тебе двоюродный брат, да ещё и из другой семьи. Твои родители решили сэкономить на твоей учёбе и получить бесплатную рабыню на два года. Что я могу сделать?

— Гоудань-гэ... одолжи мне денег! Я тебе... ик... расписку напишу! Вырасту — всё до копейки верну!

Гоудань легонько потрепал её по вихрастой голове:

— Глупая ты ещё. Ты для родителей пока как ручная обезьянка на поводке — никуда не сбежишь. Даже если я дам тебе денег, они просто запрут тебя дома и не пустят на занятия. Понимать же должна.

— Ты вот что сделай, — прищурился он, подмигнув девчонке. — Они же планируют отправить тебя ко мне на работу, когда подрастёшь? Вот и скажи им, что в городе неучей никто не держит. Сейчас даже на самую простую фабрику без аттестата о среднем образовании не берут. Приведи им в пример Дафу и Инъю — они оба среднюю школу окончили. И добавь, что квалифицированный работник в городе получает в десять раз больше, чем какой-нибудь посёлковый чиновник.

— Объясни им: если они сейчас потратят жалкие гроши на твою учёбу до девятого класса, ты потом вернёшь им в сто раз больше. А если не поверят — укажи на меня. Скажи: «Гоудань-гэ много учился, потому теперь и живёт в новом кирпичном доме, а его братья еле концы с концами сводят, потому что ума не набрались. Настолько глупые, что ради девки готовы всю семью без штанов оставить».

— Тише ты, не болтай лишнего, — поспешно перебил его Ван Сюань, качнув головой, а затем мягко обратился к Сянсян: — Про город и учёбу родителям расскажи, а вот про братьев твоих и невесту помалкивай. Поняла?

Сянсян быстро-быстро закивала, в её глазах вспыхнул огонёк надежды.

— А мне кажется, Гоудань-гэ правду говорит, — шмыгнула она носом. — Братья у меня и правда бестолковые. В школе штаны просиживали, теперь в головах пусто. Мать сама жалуется, что старшего брата сноха под каблук загнала, он пикнуть при ней не смеет. Тряпка, а не мужик.

— Сянсян, попридержи язык, — строго заметил Ван Сюань. — Если эти речи до твоей матери

или снох дойдут, живая из дома не выйдешь.

Пятая тётка действительно отличалась крутым и вздорным нравом. Но, по мнению Ван Сюаня, её строгость всегда была направлена не туда, куда нужно.

Слово за словом, Ван Сюань увлёк девочку разговорами, незаметно подсовывая ей тарелку с лакомствами. Забыв о слезах, Сянсян принялась уплетать угощение и весело щебетать, пересказывая последние деревенские сплетни: кто с кем подрался, кого шурины проучили за побои жены так, что тот теперь тише воды ниже травы ходит.

Гоудань, хоть и испытывал к кухне некоторую симпатию, полностью решать её проблемы за свой счёт не собирался. Вмешательство в чужую семью — дело неблагодарное, потом сам же крайним останешься. Пусть девчонка сама воюет с родителями. В конце концов, сейчас в школу ходят только она да младшая Гуйхуа, неужели Пятый дядя не потянет обучение двух дочерей? С учётом того, что в стране начались послабления в экономике, прокормить семью при должном трудолюбии стало гораздо проще.

На следующий день Гоудань и Ван Сюань отправились в уездный город. Строительство их нового дома полностью завершилось, участок по периметру обнесли высоким кирпичным забором.

— Всё готово, и внутри, и снаружи, — довольно констатировал Ван Сюань, осматривая постройку. — Осталось только дожидаться, пока привезут стеллажи и витрины.

— Отлично получилось, — согласился Гоудань. — Две комнаты пойдут под жильё, одна — под магазинчик, а в пристройке устроим уютную кухню. Места предостаточно. Поскольку коммерция в этом районе ещё не развита, свободного пространства на заднем дворе осталось много. Если со временем торговля пойдёт в гору, передние жилые комнаты тоже можно будет переоборудовать под торговые залы, а для себя выстроить новый флигель в глубине участка.

— В целях безопасности я распорядился изолировать жилую зону забором. Магазин же выходит прямо на улицу. Днём открываем прочные железные ворота — торгуем, на ночь запираем — и спим спокойно.

— Да, кстати, колодец выкопать не успели, но я договорился с директором школы по соседству. Протянули от них водопроводную трубу, будем платить за воду по счётчику каждый месяц.

Ван Сюань подробно отчитывался о проделанной работе. Едва вернувшись из поездки, он сразу же нанял строителей для доводки мелких деталей. Если взялся за дело — делай его безупречно.

Когда они добрались до арендованного домика на окраине, Немая тётушка и двое её детей уже полностью упаковали свои скромные пожитки. За прошедший год их жизнь круто изменилась: лица округлились, на щеках появился здоровый румянец, и от прежней истощённой худобы не

осталось и следа.

— Ван Сюань вам уже всё объяснил, верно? — обратился к ним Гоудань. — Вы сами всё видели, условия там отличные. В сентябре дети пойдут в местную начальную школу. А-Сюань уже уладил все вопросы с администрацией: за первый год заплатим небольшой взнос за перевод, а дальше будете учиться на общих основаниях.

Через несколько лет, когда ребята подрастут, поблизости как раз достроят Вторую среднюю школу, так что далеко ездить не придётся. Строительные работы там уже всю кипели.

— С переездом не торопитесь, этот дом пока постоит пустым, спешить некуда. Сейчас мы поедem к оптовому поставщику, познакомим вас. В будущем все товары для лавки будете брать у него. Сяохун, ты девчонка смыслёная, старайся всё запоминать. Все расчёты и дела с поставщиками теперь на тебе, договорились?

Четырнадцатилетняя Чжэн Хун уродилась крепкой и плечистой, явно пошла породой в отца. Особой красотой она не отличалась, но, как и у её старшего брата Баогэня, у неё были удивительно ясные, умные глаза.

Девочка сразу поняла задачу и серьёзно кивнула. Мать говорить не могла, так что вся бумажная работа и общение с внешним миром ложились на её юные плечи.

Владелец оптового склада Лю Шуньцзе встретил их на редкость радушно. Гоудань представил ему новых подопечных:

— Брат Лю, это хозяйки нашего нового магазина «Благополучие». Очень прошу тебя, приглядывай за ними по-соседски. Если возникнут какие-то недоразумения, сразу звони мне, хорошо?

Тон Гоуданя был вежливым, но твёрдым. Лю Шуньцзе намёк понял без лишних слов: обижать немую женщину с детьми не стоит, за их спиной стоят серьёзные люди.

Разумеется, за услугу Гоудань остался в долгу не перед каждым. Он свёл Лю Шуньцзе с влиятельным родственником своего школьного товарища — ничего противозаконного, просто полезное знакомство для более быстрого решения бюрократических вопросов.

В те годы государственная машина работала со скрипом: любое разрешение приходилось выбивать месяцами, бумажная волокита могла задушить любое начинание на корню. Получив такую ценную протекцию, Лю Шуньцзе рассыпался в благодарностях и клятвенно заверил, что лично проследит, чтобы никто не смел вставлять палки в колёса новым арендаторам.

Следующие два дня Гоудань и Ван Сюань неотлучно провели с Немой тётушкой и Сяохун, обучая их азам торговли. Они вместе съездили на склад, отобрали ходовой товар, загрузили его

в трёхколёсный мотороллер и доставили в лавку у школы. Помогли расставить всё по полкам, наклеить ценники и завести тетрадь учёта.

— В долг никому не давать, — наставлял Гоудань, терпеливо растолковывая разницу между оптовой закупкой и розничной наценкой. — Ваши основные покупатели — школьники, они под честное слово брать не станут. Но через дорогу у нас жилой квартал, так что можете смело расширять ассортимент: соль, масло, соевый соус, мыло — ходовые товары всегда найдут своего покупателя.

В этом районе из-за пережитков старого планирования до сих пор не было ни одного приличного продуктового магазина, так что магазин «Благополучие» был обречен на успех.

По возвращении домой им пришлось выслушать очередную порцию ворчания от Лао Сы. Отец сокрушался, что сын, которого он не видел столько месяцев, едва переступив порог, снова куда-то умчался по делам. Впрочем, старик ворчал скорее любя — он давно смирился с тем, что Гоудань ещё со средних классов ведёт какую-то свою, скрытую от чужих глаз жизнь, постоянно пропадая в разъездах.

Гоудань лишь молча кивал, не вступая в споры, и продолжал заниматься своими делами.

Вечером Ван Сюань подошёл к нему и негромко произнёс:

— Гоудань-гэ, надо бы завтра провести Дачжуана. Ребята говорят, совсем у него дела плохи.

Заметив вопросительный взгляд Гоуданя, он вздохнул и пояснил:

— От парней в деревне слышал. Дачжуан ведь теперь даже на поле выйти не может. Вся компенсация от завода без остатка ушла на врачей и лекарства. Детям за школу платить нечем, а ему самому постоянно нужны дорогие уколы. Жена от бессилия и безденежья дома каждый день посуду бьёт, пилит его без конца. Дачжуан совсем духом упал, здоровье на глазах тает.

Тяжело это для мужчины: чувствовать себя обузой для стареющих родителей, видеть, как молодая жена в одиночку тащит на себе весь дом, и понимать, что ты не в состоянии обеспечить собственных детей. Ему ещё и тридцати нет, а жизнь уже кажется конченной. Тут у любого руки опустятся.

— Хорошо, — глухо отозвался Гоудань. — Завтра же пойдём.

Они действительно давно не навещали старого друга из-за вечной суеты.

— Только... — Гоудань на секунду задумался, и в его глазах блеснула искра. — Обычной жалостью и пачкой денег тут не поможешь. Единственный способ вернуть Дачжуана к жизни

— дать ему возможность самому зарабатывать. Все семейные ссоры происходят от безденежья. Если он почувствует, что снова может приносить в дом копейку и не быть обузой, то и болезнь отступит.

— У тебя уже есть план? — с надеждой спросил Ван Сюань.

— Посмотрим, — уклончиво ответил Гоудань. — Сначала надо на него взглянуть.

<http://bllate.org/book/19654/1996843>